

Софи
деБаэр

Секрет
матерей

18+

ph

Софи де Баэр

Секрет матерей

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74549346
Секрет матерей. Роман: Фантом Пресс; Москва; 2026
ISBN 978-5-907943-23-0

Аннотация

Колетт возвращается в родной Морван после многих лет отсутствия, чтобы попрощаться с умирающей матерью. Столкнувшись с молчанием своей семьи, от которой она сбежала юной девушкой, Колетт решает выяснить правду о событии, одним июльским вечером 1969 года изменившем всё. Переходя от одного открытия к другому, она находит ответы, полностью переворачивающие ее представления о себе и своей семье. Роман Софи де Баэр – это тонкая и эмоционально насыщенная история о семье, памяти и секретах, которые передаются из поколения в поколение. Автор мастерски показывает, как жестокость и молчание могут влиять на судьбы детей и внуков, формируя их восприятие любви. «Секрет матерей» – история о том, что иногда, чтобы понять себя, нужно осмелиться заглянуть в прошлое своей семьи и принять правду, какой бы сложной она ни была.

Содержание

Колетт	6
Марта	8
Колетт	32
Марта	45
Колетт	66
Марта	72
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Софи де Баэр

Секрет матерей

Роман

Sophie de Baere
Le secret des mères

* * *

Copyright © éditions Jean-Claude Lattès, 2025
© Нина Хотинская, перевод, 2026
© «Фантом Пресс», оформление, издание, 2026

* * *

Рубену, Кларенсу и Пьер-Югу

*Во времена цветов
Не знали мы грехов,
Медовый вкус у жизни был всегда.
Переплетенье рук,
Голоса – единый звук.
Мы были молоды и в небо верили тогда¹.*

¹ Перевод А. Булышко. – Здесь и далее примеч. перев.

«Время цветов», Э. Марнэй / Д. Раскин, 1968

*Только от невысказанных слов
так тяжело мертвым в их гробах.*

Анри де Монтерлан, 1895–1972

Колетт

День 1

5 августа 2004

Поезд приближается к станции, и все заготовленные по пути вежливые фразы стремительно вылетают из головы. От страха кровь приливает к щекам, жжет глаза. Сердце бешено колотится. Оно будто удивляется моей вялости и хочет меня подстегнуть. Времени уже не осталось. Быстрее, Колетт. Быстрее. Сердце, пожалуй, право. Ведь я даже не представляю, как начну. Ничего. Словно ветром выдуло. Ни единой фразы-зацепки. А как хотелось бы поймать хоть одну губами, заучить ее наизусть, вдохнуть в нее смысл, расставить слова по порядку – и тогда, взглянув в их лица, я не сорвусь, не дам другим словам, злым, оскорбительным, поглотить мою добрую волю. Потому что на самом деле слова, фразы – такого товара у меня хоть отбавляй, проблема не в этом, и вовсе не перспектива заговорить с ними повергает меня в ужас. Ничего подобного. Ужасно будет, если я начну и не смогу остановиться. Целый том словаря вдруг вырвется наружу, а я и не замечу, как он забьет ключом и разбередит рану этих долгих лет, что пролегли между нами. Нет,

невозможно. Я должна сделать усилие, найти верные слова, первые после долгой разлуки. Первые слова – это очень важно. Они задают тон, по ним уже угадывается дальнейшее. Я должна разобраться, должна понять, в конце концов. Прорвать стену молчания и узнать эту историю. Узнать правду.

Марта

8 января 1953

– Я опять.

Он стоял в дверном проеме, маленький жалкий солдатик с хмурым и виноватым лицом. Марта сложила свою перину на еще теплые кирпичи, протянула ему руку и пошла за ним, не сказав ни слова. Шуметь нельзя.

Держась за руки, дети вышли на дорожку, отделявшую дом от флигеля. Пробежали сквозь голубой дождь, лизавший горбатый месяц. Марта, почти невидимая в густом сумраке крошечной каморки Люсьена, достала из кармана коробок и чиркнула спичкой. Язычок пламени, затрепетавший у самых ресниц, позволил девочке оглядеться. Стол, на нем очистки, ореховая скорлупа, а вот и керосиновая лампа. Она тихонько подняла стеклянный колпак, второй спичкой подожгла фитиль и протянула лампу мальчику, который испуганно смотрел на нее. Марта заулыбалась еще шире.

Она подошла к смятой постели, сняла мокрые простыни и понесла их в дом, в кухню фермы. Вода в баке с утра еще не остыла; она подождала несколько минут, потом отжала влажный ком, снова ступила войлочными тапками на заин-

девевшую дорожку и вернулась с ним в каморку к Люсьену. При свете старой лампы дети развесили чистое белье на веревке, натянутой между балками. Он обмочился уже в третий раз на неделе. Огюстина страшно бы рассердилась, это уж наверняка. И Люсьену опять пришлось бы спать без простыни и одеяла, как собаке на подстилке.

– Идем со мной, – прошептала Марта.

– Я боюсь. Она точно меня убьет.

– Идем, говорю. Все будет хорошо, Люлю. Я тебе обещаю.

Люсьен и Марта вышли из флигеля и направились в теплую, тихую кухню этой уединенной фермы, которую до сих пор называли мызой Дьявола. Когда-то жилые постройки и земли вокруг принадлежали зажиточной крестьянской семье, но отец и старший сын не вернулись с Первой мировой. Остались только мать с младшим сыном. А потом умер и парень – по слухам, погиб под копытами своей кобылы. Говорили, что старуха после этого спилась, запустила донельзя жилье и угоды и окончила свою одинокую жизнь, упав с лестницы. Купив ферму за бесценок, родители Марты привели в порядок все, что еще можно было спасти, то есть немногое. Хлев, флигель, амбар, покосившийся сарай и только один дом из четырех.

В печи догорали угли, и окоченевшие дети кинулись к ней, спеша согреться. Если не считать стука редких капель о стекло, в доме было тихо. Отогревшись, Марта потянула Люсьена за рукав и втокнула его в длинный коридор. Старший

брат, Огюстина и Серж спали наверху, и только девочка – на первом этаже. Марте до сих пор было невдомек, почему, еще когда она была совсем маленькой, родители устроили ей спальню внизу, в закутке, до этого служившем кладовкой.

Издалека донесся звон вечерних колоколов, и Марта сделала знак Люсьену. Притаившись в темноте коридора, бедняжка дрожал, как перед казнью.

– Иди ко мне, Люлю. Не бойся.

Люсьен робкими шагами приблизился к раскладной кровати Марты и юркнул под перину. Девочка натянула ее до самых их подбородков, и Люсьену показалось, что он погрузился в мягкое, теплое тесто. Марта погасила керосиновую лампу в углу и прижалась к мальчику, его худенькие руки обняли ее. Веки двух ангелочков сомкнулись.

Марта опять опаздывала, в который раз. Когда она вошла в кухню, родители, брат и Люсьен уже сидели вокруг большого стола. Серж, ее отец, макал намазанный маслом хлеб в кружку кофе с молоком, над ней клубился белесый парок. Марта села рядом с ним, и Огюстина горько вздохнула. Ох и трудно ей с дочерью. Девчонка растет настоящей сорвиголовой. Нахмутив брови, мать налила в чашку немного горячего молока и подала ей. Марта наскоро выпила. Настенные часы пробили семь, а учитель открывал ворота в половине девятого. Надо поторопиться. Путь от фермы долгий, да еще и в горку.

На дороге Марта вложила ладонь в руку Люсьена, и под злым утренним ветром оба припустили бегом к своим велосипедам, далеко опередив старшего брата, который и не собирался их догонять — не хотел, чтобы его видели с парижанином. Местные дети не жаловали присланных в деревню органами опеки сирот. Семьи, дававшие им кров, получали пособие от государства до достижения теми тринадцати лет и обычно использовали приемышей как помощников на фермах. К приезжим детям пристала кличка *Парижиски*. Люсьен был одним из таких. Уже два года, как мальчонка нашел приют здесь, на этом островке, который накрывали поочередно то туман и снег, то летняя сушь. Уже два года, как Люсьен впервые увидел Морван с его сочными лугами, низкими гранитными скалами, сонными озерами и густыми колючими чащобами.

А в тот, первый, день он смотрел из окна поезда на быстрые ручьи и глубокие лощины, похожие на трещины в камне. Ему представлялось, как он будет жить на этой земле. Пойдет в лес, увидит зверей. Лисят, кабанов с поросятами. Может быть, даже волка вроде тех, каких он срисовывал из альбомов, расставленных в алфавитном порядке на книжных полках в его прежнем классе. Эта картина вызвала в памяти сиротский приют, запахи церковных свечей и чернил. Построенных парами детей, всегда готовых к драке, — невеселые игры, неизбежное чувство одиночества. Перемены, от которых оставалось одно название.

Всматриваясь в стекло, мальчик видел черты своей новой семьи, отца и мать, они будут кормить его, греться с ним у очага, рассказывать ему сказки. Потом вообразил брата и сестру. Деревенские дети научат его распознавать цветы и зверье, покажут красивые виды, лесные тропы и потаенные уголки. Они будут вместе мочиться на одно дерево, составлять снадобья из грязи и слизи улиток. Смеяться до колик в животе. Всю дорогу Люсьен с наслаждением перебирал в уме эти надежды.

Но, ступив ватными ногами на землю Лежандров, он увидел только прищуренные глаза Огюстины, ее жилистые руки и передник в пятнах крови кролика, которого она только что освежевала. Всего несколько часов пути – и вот уже гомон и суэта парижского вокзала позади, здесь Люсьена встретило суровое молчание местных жителей. Он еще не знал, что, прячась в листве молодого орешника, маленькая девочка, ровесница, ждала его с улыбкой и трепетом в сердце.

Школьный двор. Присыпанный снегом в проплешинах от ледяного ветра.

Выстроившиеся перед дверью школы ученики казались окаменевшими. Марта смотрела на Люсьена. У него дрожали коленки, спина колесом. Ей было так больно за него, так обидно. Бедняжка был одет в короткие штанишки и войлочную накидку с капюшоном, влажной тяжестью давившую на плечи. Эту жалкую одежонку каждую зиму присылали из ор-

ганов опеки. Люсьен, как и многие другие приемыши, мечтал о длинном шерстяном пальто. Он мерз в накидке без рукавов, а еще больше стыдился, что одет как все Парижики.

Класс был один, и Люсьен оказался здесь не единственным сиротой, вывезенным из Парижа и его окрестностей. Из двух десятков учеников питомцами органов опеки были восемь. Говорили, что в других деревнях приемышей еще больше.

– Входите, дети, – сказал месье Мидадь.

– Здравствуйте, учитель, – отвечали один за другим ученики от старшего до самого маленького и, входя в коридор, вешали одежду на медные крючки.

Для Марты и Люсьена школа с ее запахами мела и воска, служившего натиркой для парт, превращалась в островок отдохновения от тяжелого труда на ферме. Им нравилось изучать умножение и деление, карту Франции с департаментами и префектурами, анатомию человеческого тела, названия растений, которые они собирали и наклеивали в гербарии. Листья граба, полевого клена, белой ивы. Цветы водосбора и жимолости.

Надо признать, что месье Мидадь по-доброму относился к своим ученикам. Голос у него был уютный, ласковый, как колыбельная, и он так верил в них. Они чувствовали себя на своем месте. Не такими жалкими. В классе Марта была не просто девчонкой с мызы Дьявола, она становилась при-

лежной и старательной ученицей, слушала учителя, получала хорошие отметки за знания и поведение. А Люсьен на время забывал про металлический медальон, висевший у него на груди, – такую бирку с регистрационным номером носили все Парижики.

На переменах Люсьен обычно играл с Мартой и Жилем Гастье, тоже приемышем. Этот улыбчивый мальчик жил еще с тремя сиротами у добрейшей вдовы, которую дети называли бабулей. Люсьен был очень силен в игре в шарики и часто выигрывал. Выигранные стеклянные шарики он прятал в жестяную коробку из-под печенья, которую дал ему Серж. Но стоило только выйти из школы на улицу – о, без защиты учителя это было другое дело, – и Люсьен снова становился самым маленьким и жалким существом. Каждый вечер после уроков ему напоминали, кто он есть – сиротка из опеки, истыканный шпильками и подколками *нормальных* детей. Местных. И их взглядами, сальными от самодовольства и спеси.

Тогда за него вступалась Марта, пускала в ход кулаки, дралась ногами, заставляла и его поднять голову, рывкнуть, дать сдачи. Еще не хватало быть мокрой курицей! И мальчик, приосанившись, снова знал, что может долго смотреть куда ему хочется. На щербинку меж ее передних зубов. На ее огромные глаза. На нее всю, в которой уже угадывалась маленькая женщина.

Люсьен видел: Марта не такая, как другие девочки. Для

нее не существовало преград, она была готова пробраться в любую щелку, если за ней ожидало приключение, неважно, настоящее или выдуманное. Она мечтала поскорее выбраться с их уединенной фермы и прожить много жизней. Быть художницей, актрисой, певицей или, почему бы нет, путешественницей. Надо только потерпеть, она еще мала. Марту тянуло в большой мир.

На обратном пути, верхом на велосипедах, дети придумывали множество игр и забав. Поддразнивали друг друга. Злили старшего брата, который обзывал их олухами и тупицами. Отыскивали в небе особенное облако в форме замка или самолета и следили за ним. За те почти четыре километра, отделявшие коммунальную школу от мызы Дьявола, Люсьен и Марта сбрасывали с плеч плевки и обиды прошедшего дня.

На ферме, правда, приходилось присмиреть. Им давали перекусить грубым хлебом с вареньем, после чего Марта с братом садились за уроки. Люсьену же редко так везло. Следовало прежде переделать все дела, которые вот уже несколько месяцев поручала ему приемная мать. Выкосить траву меж камней, подмести дорожки, задать корм курам и двум свиньям. Принести из колодца воды для скотины. Наколоть дров.

Вечером Люсьену разрешалось ужинать за столом со всей семьей, но если мальчик плохо выполнял работу, то Огюстина давала ему только кашу и яблоки. В такие дни, пока мать

мыла посуду, Марта выбегала из дома будто бы проверить скотину в хлеву и приносила Люсьену остатки пирога или сыра.

Сегодня вечер выдался скверный, Марта поняла это, едва переступив порог. Такое лицо у матери бывало в самые плохие дни. Марта узнала острый взгляд, гневно поджатый рот, позу – большие руки, упершиеся в бедра.

– Куда ты дел деньги на хлеб?

– Я их не трогал, чес-слово.

– Не морочь мне голову, Люсьен. Куда ты спрятал деньги? Они лежали на подоконнике, а булочник их не нашел.

– Это не я, Титина. Не я.

– Кто же тогда?

Огюстина замолчала. Поджав тонкие губы, она оторвала лист вчерашней газеты, которую использовали для очистков, и вышла из кухни. Минуту спустя она уже стояла перед Люсьеном с завернутым в смятую бумагу пучком крапивы.

Опустив голову, сгорбившись, мальчик не произнес ни слова. Он повернулся к окну и устремил взгляд больших голубых глаз на старый вяз в свете луны. С годами это дерево стало ему почти другом, ангелом-хранителем. Они с Мартой часто водили короткими пальцами по морщинам столетнего ствола, угадывая спрятанный под корой невидимый мир. Слышали веселый гомон празднества, шуршание крылышек эльфа в листве, свист рассекающего воздух рыцарского меча.

Иногда поздно вечером, когда все спали, они тайком встречались возле флигеля и сидели, прижавшись друг к другу, под деревом. Слушая собственное дыхание. Вбирая в себя вздохи друг друга, напиваясь их силой.

— Ну-ка, поди сюда, я тебе покажу, как воровать!

Люсьен спустил штаны и уставился на вяз, стиснув зубы. Марта заплакала, но Огюстина на нее и не взглянула, продолжая хлестать нежную кожу ребенка. Марте было больно, так больно внутри. Укусы крапивы как будто проникали ей в кровь и терзали ее детскую душу.

Люсьен же, не в пример Марте, и бровью не повел. Он так долго жил впритык к хлеву, к свиньям, что, наверное, и сам уже считал себя скотиной. Которую кормят и даже иногда ласкают. А потом однажды зарежут и съедят.

Был четверг, около полудня, в этот день в школе нет уроков. Серж и Огюстина уехали на ежегодную ярмарку, это наверняка до вечера. Старший брат был на уроке катехизиса, потом собирался играть с друзьями в деревне до возвращения родителей. Люсьен с утра подоил коров и отнес бидоны с молоком в сарай. Марта тем временем перебирала чечевицу.

В кухне тихо гудела печь и пахло деревом. Тесно прижавшись друг к другу на лавке, Марта и Люсьен переговаривались вполголоса. Покончив с делами, они решили тайком сбегать к невысоким горам, тем, что виднелись вдали за фермой. Для этого им надо было подняться по тропе вдоль реки.

Им уже не хватало еловой чащи, буковых и каштановых рощ, подступавших с обеих сторон к единственной, каменистой и крутой, дороге, отделявшей их от деревни. Там они знали наизусть все тропки. Нет, на этот раз они пойдут в другую сторону, на север, через большой лес. Вчера, убирая за свиньями, Марта и Люсьен подробно обсудили свое маленькое путешествие.

Мох пружинил под подошвами, глаза тревожно всматривались в тучи над головой, когда они уходили все дальше под ели. Без единой жалобы или вздоха. Они шли все быстрее и громко пели, чтобы приободриться. Собственные голоса действовали так живительно, что они даже разделились, чтобы набрать даров леса. Опавших листьев. Веточек. Шишек. Болели замерзшие пальцы, ныла поясница, но Люсьен старался как никогда. Нежность и сила прихлынули к сердцу, и ему так хотелось собрать побольше сокровищ.

Наконец, окончательно позабыв о страхе, они уселись около маленького водопада. Марта решила опустить ноги в обжигающе холодную речку и поддразнивала Люсьена, призывая сделать то же. Он наотрез отказался.

– Трусишка, – припечатала его Марта.

Смеясь, она погрузила ноги в воду до колен. И только тут заметила плававших в речке рыб, их черные выпуклые глаза.

Только не кричать, зажмуриться, тогда будет не так страшно.

Страшно было все равно.

Когда одна рыба скользнула по ее лодыжкам, у Марты невольно вырвался испуганный вскрик. Люсьен громко захохотал.

– Ну и кто из нас трусишка? То-то же...

– Заткнись, Люлю.

Марта надулась, но через пару минут уже сама смеялась вместе с ним. Это справедливо, подумала она.

Люсьен взял ее за руку, и они легли на мох. Орел со свистом описывал круги прямо над ними, детские глаза вдруг охватили всю бескрайность пейзажа. Прожилки и трещины на стволах. Бурный поток воды. Ясное небо, просвечивающее сквозь иглы елей. Они смотрели вверх, над ними качался узор из ветвей, и оставленные дома заботы постепенно забывались. Не было больше уборки снега, кормления скотины, дойки. Не было порок. Им хотелось остаться здесь, на лоне суровой и дикой природы. Вместе и навсегда.

Вот только Люсьен начал кашлять. Этот дурной кашель донимал его уже неделю. Он вдруг замерз, живот подвело от голода, захотелось домой. Но Марта была против. Ему ведь скоро девять, а в девять лет не хнычут, надо быть сильным и стойко переносить испытания, чтобы жить, как индеец сиу, среди трав и зверья. Бобрам-юниорам трусить негоже, сказала ему Марта². И мальчик тут же взял себя в руки, приоса-

² «Бобры-юниоры» – популярный во Франции 1950-х годов детский комикс.

нился. Больше всего на свете ему хотелось, чтобы его *названная сестричка* – так он теперь называл ее про себя – гордилась им. Несколько долгих минут он так и лежал, устремив глаза в небо, и с улыбкой воображал себя то отшельником, то искателем приключений. Даже кашель утих.

Марта поднялась и отвлекла Люсьена от грез:

– Ну же, Люлю, чего замечтался? Надо пошевеливаться. Они уже скоро вернутся.

Мальчик тоже вскочил на ноги, и они принялись за дело. Для начала достали веревку, которую стащили из мастерской Сержа, притянули друг к другу ветки елей и связали их – получилась крыша. Лучше, конечно, было бы добраться до верхушек, но никак. Руки у них такие маленькие, а ели такие высокие. И все равно они старались изо всех сил, чертенята.

Они втыкали, соединяли, скрещивали, укрепляли, покрывали, настилали, и всего за час был построен шалаш. Марта захлопала в ладоши и обняла Люсьена. Дети прыгали от восторга, щеки у них порозовели, а лбы взмокли. Они наконец-то создали себе подобие свободы в одном из тех мест, что могут хоть немного удержать детство.

Прошло еще не меньше часа, прежде чем уснуло небо. Целый час они могли грезить о полянах и крепостях, придумывать сказки про принцев и принцесс. Принимать сухой лист за пергамент чародея, вслушиваться в пение птиц, которое так любила Марта. Подставлять лица волшебному ветру сквозь ветви.

Но свет померк, пора возвращаться. Еще опьяненные этим чудесным днем, проведенным за играми под деревьями, они легко нашли дорогу домой, летели по камням, ни разу не споткнувшись, и, когда туман наполнил вечерний воздух, не заметили, как день сменился ночью.

Когда дети вернулись на ферму, кухня была пуста, а печь еще не остыла. Тиканье ходиков продолжало отсчитывать минуты и часы, но теперь все было по-другому. Теперь ходики отсчитывали время, остававшееся им до следующего похода в большой лес. Не просто время, а обещание.

Но сколько же минут, часов, дней придется им отсчитать? Сколько им еще стискивать зубы? Долго ли Люсьену терпеть угрозы и нависшее над ним каменное лицо Огюстины?

Марта еще помнила, как несколько месяцев назад ее мать была добра к Люсьену. Отчитывала его порой и ни разу не приласкала, это да. Но злой не была. А потом вдруг все изменилось.

Марта часто утешала Люсьена. Скоро он заживет лучше прежнего, ведь она клялась ему в этом. Надо только набраться мужества и терпения, и все станет как раньше.

Но раньше чего?

Этого Марта Люсьену сказать не могла.

13 января 1955

С шести часов утра Люсьен и Серж сгребали лопатами снег, расчищая дорожку до ворот. Драмон, как и каждый раз, сообщил о своем приезде заранее. Он являлся с инспекцией к Лежандрам четыре раза в год, проверяя, хорошо ли питается его подопечный, прилежно ли учится. Марта знала, что его приход немного подсластит невеселую жизнь и домашние горести отступят хоть на несколько часов.

В ожидании инспектора вся семья хлопотала по дому. Пол вымыт до блеска, пыль вытерта. Даже кухня выглядела празднично. На большом столе красовалась бриошь, на газовой плите свистел алюминиевый кофейник.

Серж и Огюстина оделись по-воскресному, так они ходили к мессе. Отец в накрахмаленных черных брюках и белой рубашке. Мать в блузке с круглым отложным воротничком и светло-зеленой бархатной юбке, с забранным в бежевую сеточку узлом желтоватых волос. Короткие штанишки и свитер Люсьена были выстираны и выглажены, ботинки начищены ваксой. Марта и ее брат тоже принарядились. За пять минут до прихода инспектора Люсьен, с аккуратно зачесанными на косой пробор волосами, по струнке встал у двери и блаженствовал. Если бы не бирка с номером на шее, мальчик почти почувствовал бы себя членом семьи.

Марта подошла к нему.

– Какой ты красивый, Люлю, – шепнула она ему на ухо.

Драмон явился точно вовремя, сразу после завтрака.

– Ну, скажу я вам, это департаментское шоссе лучше не стало, колдобина на колдобине, проехать невозможно. Особенно сейчас, зимой, с этим бесконечным снегом! А о дороге до Дьявола и говорить нечего, я уж думал, моему автомобилю конец!

Марта подумала об этом запретном департаментском шоссе. Люсьен сто раз представлял себе, как уходит по нему, но так и не ушел. Жалуйся, не жалуйся, что изменится? Какие у него могут быть горизонты? Бежать бесполезно, да и некуда. В лучшем случае другая приемная семья, в худшем – сиротский приют. А еще была эта огромная нежность, крепко связывавшая их. Бегство Люсьена разбило бы оба их сердечка одновременно.

Как обычно бывало, когда Драмон переступал порог, в ногах у него завертелся пес, радостно приветствуя гостя. Инспектор погладил его и, здороваясь на ходу с Сержем и Огюстиной, сел за стол со всей семьей. Ради такого случая постелили новую скатерть и достали фарфоровые тарелки и чашки из свадебного сервиза. Марта и Люсьен любили рассматривать нарисованных на них кавалеров и дам. Поистине, день инспектора был праздником.

Драмон говорил с Люсьеном очень ласково. При всех

спрашивал его, хорошо ли тот ест, хорошо ли учится, хорошо ли спит. Люсьен чувствовал себя неловко перед этим толстяком с лиловым носом и городскими манерами, поэтому только кивал. Огюстина тем временем подливала инспектору кофе и подкладывала куски бриоши. А Серж старался занять его разговором.

– Из парнишки, знаете, слова не вытянешь. Робкий маленький. Но он подружился с Мартой. Теперь эту парочку водой не разольешь. Они как брат с сестрой!

– Я очень рад! Повезло нашему Люсьену. Вы, по крайней мере, не то что иные фермеры, которые измываются над детьми из опеки.

– Еще бы. Мы-то его холим, как родного. Ему ни в чем отказа нет.

– Представляете, вчера я ошибся и навестил одну семью не вовремя. Ну вот, когда я вошел, один из мальчиков был привязан к ножке стола и ел из собачьей миски! Какой кошмар, подумать только...

От этих слов желудок Марты болезненно сжался и остаток бриоши застрял в горле. Она не раз слышала, как ее одноклассники, *нормальные* дети, рассказывали подобные ужасы и хихикали. Только вчера один из них издевался над мальчиком, который так голодал у своих приемных родителей, что подьедал очистки и ботву, предназначенные на корм свиньям.

Конечно, Люсьену приходилось много работать на фер-

ме Лежандров, но кормили его хорошо. Время от времени Серж даже приносил ему леденцы «Пьеро-Гурман», которые он обожал. Иногда вечером, после того как они много часов собирали в поле картошку заледеневшими руками, Люсьен получал полстакана красного вина с ложкой сахара. Глядя, как мальчик залпом выпивает вино, Серж от души смеялся: – Да ты уже дружишь с бутылкой, сынок!

У Марты тепло на душе в такие моменты. Она знала, как нравится ее Люлю быть на равных в мужском обществе, чувствовать себя своим, когда Серж так естественно называл его «сынком».

Накануне девочка случайно подслушала разговор родителей. Речь шла о новом насосе для колодца, который они смогли себе позволить благодаря деньгам от опеки. Огюстина сказала, что когда Люсьену исполнится тринадцать, от него больше не будет никакого проку и придется отдать его в батраки. Серж ничего не ответил.

У Парижиков, которые не получали аттестата и не уезжали учиться ремеслу, зачастую не было другого выбора, кроме как идти батрачить. Когда-то в деревне искавших работу молодых людей даже сзывали на своеобразные торги, проходившие в День святого Иоанна. Сирот там узнавали по листу каштана, который им приходилось держать в руках. Иногда, правда, питомцы опеки оставались жить у приемных родителей. Но Люсьену это определенно не светило.

Когда Марта пересказала этот разговор Люсьену, они оба долго плакали. Это значило, что настанет день, когда названных брата и сестру разлучат. Они знали друг друга так давно. Люсьен осиротел совсем крохой, рассказывали, что его родила женщина непотребного поведения и бросила новорожденного в нефе церкви. Еще говорили, что ребенок надрывался от плача, измучил сестер в приюте и что у ублюдка дурная кровь. А потом однажды Люсьен оказался здесь.

Не прошло и часа, как Драмон уже надевал пальто. Он был так занят, набивая брюхо бриошью, что забыл поинтересоваться, где Люсьен спит. Вряд ли ему захотелось бы увидеть темную каморку во флигеле с коркой льда на единственном оконце, открытом всем ветрам, и самому почувствовать, какой холод ночами заползает под кожу и горбит ребенку спину. Инспектор лишь несколько раз похлопал Люсьена по щеке и пощупал его руки выше локтя. Марте показалось, что он оценивает товар.

Наконец Драмон встал и взъерошил мальчику волосы:

– Вот это грива так грива! Небось хорошо живет в ней букашкам!

Вскоре инспектор уже садился в свою красивую машину, а Серж успел сунуть ему в руки сверток с мясом и две бутылки местной мирабелевой настойки. Драмон отнекивался, мол, не надо, ему не положено, однако убрал все в багажник.

Машина сорвалась с места, оставив за собой вкус пыли.

Серж сразу ушел на выгон. А Огюстина в кухне сбрасывала светлые кудри Люсьена и ворчала из-за того, что по щекам мальчика текут слезы. Марта, спрятавшаяся за приоткрытой дверью своей комнатенки, стискивала кулаки.

Рыночная площадь наполнилась запахами и красками, толпа гомонила, Люсьен с Мартой затерялись среди людей. Серж приехал продавать кроликов и взял детей с собой, он даже доверил им на часок свой маленький прилавок. Нежное мясо, мягкий мех, выйдет отличный теплый жилет. Мальчик, гордясь, что ему позволено торговать для семьи Лежандр, расхваливал товар, улыбался и отсчитывал сдачу. Ему эта миссия давалась легче, чем Марте, недаром Серж уже замечал у парня способности к торговле.

Марта понимала, что ее отец и Люсьен по-настоящему привязаны друг к другу и порождена эта связь не кровью, но привычкой и общением. После уроков и во время школьных каникул Люсьен и Марта проводили много времени с Сержем. Учились ухаживать за скотиной, чинить инструменты, подстригать деревья. Старший брат редко бывал с ними, он предпочитал общество матери. Серж порой ворчал из-за этого, но он, в отличие от Огюстины, никогда не повышал голос на детей.

Отец Марты был из породы добряков и созерцателей. Жил на лоне природы, ходил по выгонам за своими коровушками,

давал им ласковые имена, как цветам. Анжелика. Маргаритка. Анемона. Люсьен и Марта, когда выдавалось время, ходили с ним и тарасились с любопытством. Но не решались спрашивать лишнего, боясь нарушить тайный язык, связывавший крестьянина с его животиной.

Бывало, под вечер сидевшая за уроками Марта видела, как Люсьен с ее отцом бродят далекими извилистыми тропками по прихотливой зелени полей, просто молча шагая рядом. Люсьену и Сержу не нужны были пустые слова – постоянно бывая вместе, они мало-помалу проложили друг к другу дорожку через чувство, которое можно было бы назвать своего рода любовью. Любовью без слов.

– Вы молодцы. Заслужили. Вот вам, порадуйте себя чем душа просит.

Серж достал из кармана несколько монет, вложил их в ладонь мальчика и сжал его пальцы. То же самое он проделал с дочерью и направился к грузовичку. Как только Серж уехал, Марта затараторила, предлагая купить на ярмарке лимонада и леденцов, ведь теперь это им по карману. Но Люсьен только улыбался, долго-долго улыбался.

Марта шутливо поддразнила его, сказав, что он выглядит дурачком.

– Может, у меня и придурочный вид, но мне так хорошо, что все как будто зудит от счастья, – сказал он.

7 апреля 1957

Опять приезжал инспектор. Опять, как и каждый раз, он сидел за столом с семьей Лежандров, макал бриошь, намазанную маслом, в свежесваренный кофе, а позже, уезжая, благосклонно принял сверток с мясом. И все-таки этот визит отличался от предыдущих. Люсьена попросили подождать за дверью, в саду. Драмон приехал к Лежандрам, чтобы решить судьбу своего подопечного.

– Пора выбирать, месье и мадам Лежандр, пора, Люсьен вырос. Если он вам больше не нужен, на окрестных фермах может найтись для него хозяин. Но я, перед тем как прийти к вам, повидался с учителем, он говорит, что хоть Люсьен и отставал в начале учебы, теперь у него отличные оценки. Возможно, он даже мог бы пойти дальше, получить аттестат, уехать учиться и освоить какое-нибудь хорошее ремесло.

Огюстина пожала плечами.

– Как бы то ни было, скоро вы уже не будете ничего получать за его содержание. Так что скажите прямо, оставите вы его у себя или нет. Думается мне, кормить такого здорового парня – расход немалый.

После паузы и очередного глотка кофе инспектор продолжил:

– Вы и так уже много для него сделали. Повезло ему, нашему Люсьену. Ну так что скажете?

Никто не ответил, и в течение минуты было слышно только, как скребут по полу ножки стула. Наконец Огюстина кашлянула и встала, чтобы взять стоявшую на буфете сахарницу. А Марта смотрела не отрываясь на руки Сержа. Его короткие толстые пальцы дрожали, отбивая ритм по столешнице. А потом Марта подняла взгляд. Досчитала до пяти, до десяти, уставилась, вгляделась в его выдубленное солнцем и ветром крестьянское лицо. Красные прожилки на крыльях носа. Неровно подстриженная борода, кустистые брови. И вдруг словно огонек озарил черты Сержа. Крошечный огонек, но готовый воспламенить все.

– Люсьен выберет сам, – громко произнес он.

Огюстина промолчала. Инспектор тоже. Глава семьи все решил, и это решение обсуждению не подлежало.

Не в пример им, этот славный малый не ставил себя выше других, он смеялся над кумушками, считавшими сирот паршивыми овцами или недоумками. Плевать ему было, что мальчишке не повезло при рождении. Глубоко плевать. Его Люсьен не уподобится детям из опеки, бледным с лица, тем, кого, как скотину, перегоняли из приюта в семью, из семьи в батраки. Серж этой короткой фразой раз и навсегда дал им понять, что любит Люсьена, и узы крови здесь ни при чем.

Сказав несколько приличествующих случаю слов, инспектор простился с супругами, вышел к воротам и сел в автомобиль.

Через несколько минут Марта нашла Люсьена, он сидел на земляном полу сарая. Разумеется, он все слышал и все понял. Зажмурившись и обхватив себя руками, он как будто обнимал украдкой три слова, сказанных Сержем, три коротких слова, казалось пригревшихся у него на груди.

Вскоре Огюстина пошла за дом развесить выстиранное с утра белье. Серж позвал Люсьена, который уже убежал во флигель:

– Я на выгон. Хочешь со мной?

Не скрывая радости, мальчик пошел за Сержем под лиловым предвечерним небом. Марта тоже поспешила за ними.

Колетт

День 1

5 августа 2004

Голос из динамика объявляет следующую остановку, и поезд замедляет ход. Свет изменился. За темными пятнами колючих ветвей небо кажется совсем маленьким, почти несуществующим, а ведь в Эксе сегодня утром оно было синим и необъятным по-летнему. Здесь даже трава как будто темнеет под грязной серостью облаков.

Я поднимаюсь и достаю чемодан из нижнего отсека. Сколько же лет ноги моей не было на этом вокзале. Я вздыхаю. Придется еще ждать автобуса, ждать долго, потому что в этой богом забытой дыре он приходит когда рак на горе свистнет.

Я выхожу на перрон, и неожиданный холод сводит мускулы, обволакивает постепенно все тело. Говорят, в последние годы здесь жара может в одночасье смениться едва ли не стужей. На той неделе я видела в теленовостях, что всего километрах в пятидесяти отсюда средь бела дня прошел дождь с огромными градинами. Какой-то фермер сохранил одну в морозилке и показывал перед камерой. Десять сантиметров

в диаметре. Такого в этих местах никогда не видели.

И все равно – я это уже предчувствую, после того как связалась со страховой компанией насчет их прохудившихся крыш, – они будут продолжать жить как раньше. Работать, смеяться, петь, заниматься любовью, хлопать друг друга по плечу в бистро. Некому изменить направление ветра. Иногда мне хочется быть как они – смотреть в сторону, не давая похоронить себя заживо.

Автобус высаживает меня у старого вокзала. Обветшавшее здание утратило былой гордый вид, в пустом вестибюле ни голосов, ни эха. Даже рельсы напитались ржавчиной и скукой. Меня ждет такси, длинный «ситроен», – бывает, он служит еще и «скорой помощью», когда требуется доставить старожилу в больницу. Шофер молчит. Это очень кстати, у меня нет никакого желания поддерживать разговор. Колени уже дрожат от волнения, напоминающего мой мандраж перед экзаменом. Я всегда терпеть не могла такие моменты, когда ничего не замечаешь, потому что страх выжигает мозги. Стараюсь дышать медленно. Вдох – пять секунд, выдох – восемь. Симон гордился бы мной. Я по нему скучаю.

Серые шиферные крыши, мокрые луга, красные цветы на окнах. Мы минуем деревню и выезжаем на крутизну, узкую дорожку, которая сначала ныряет вниз к озерам, а потом убегает в леса. Шофер тормозит. Дорога сужается еще больше, она уже почти непроезжая, и он боится повредить свой «сит-

роен». Но если вы настаиваете, говорит он, я могу попробовать. Нет, отвечаю я, ничего страшного, я люблю пройтись. В конце концов, осталось всего метров семьсот и дорога идет под горку. Парень благодарит сквозь зубы, хлопает крышкой багажника и дает задний ход. Оставшись одна, я решаю свернуть на тропинку, ту, что вдоль ручья. Я всегда предпочитала ее крутизне.

Удивительное дело, я узнаю ее сразу. Ее извивы, кусты дикого шалфея на откосах, плющ, обвивающий камни разрушенной ограды. Даже маленький гранитный мостик через ручей, придорожное распятие, крест с выцветшими пластмассовыми букетами – все цело. Травы щекочут мне лодыжки, и я почти автоматически, вспоминая прошлое, кручу бедрами, уворачиваясь от побегов ежевики и крапивы.

Я помню, что в детстве любила этот пейзаж, его буйство, его метаморфозы, это вечное и всегда новое крещение. Другие ребята тогда находили мой мир скучным, но я считала, что мне повезло жить здесь, так далеко от деревни, от ее заборов, за которыми домам было тесно, и такого твердого асфальта под ногами. Мне долго хватало неба и деревьев с их разноцветьем. Но потом я выросла и захотела посмотреть мир. А вернее, если уж быть совсем честной, спасти свою шкуру.

Вдали слышится лай. Ручаюсь, что это немецкая овчарка, ведь папа всегда признавал собак только одной породы. Вер-

ных, послушных и смелых. Необходимые, по его словам, качества. Часто говорят, что собаки похожи на своих хозяев, и я посмеиваюсь над этой мыслью. Вот только лай все громче, и мне уже не смешно. Будет совсем глупо, если меня сейчас растерзают. Я все же иду вперед, однако зверюга, заметив меня, только подпрыгивает и кружит на месте. Цепь из больших металлических колец, привязанная к колышку, не дает ей подойти ближе. Я медлю.

Солнце уже клонится к закату, но силуэт четко вырисовывается на фоне пейзажа. Его отвратительная синяя спецовка, его пивной животик. Я вяло машу рукой и, сама не зная зачем, вымученно улыбаюсь ему.

Мы целуемся, и я чувствую его кожу, дряблую, обвисшую, как сырое тесто для пиццы. Я понимаю, что время не щадит наших лиц.

– Входи, входи. Он уже скоро будет.

Этого надо было ожидать. Стоит мне войти в прихожую, как нить, развязанная много лет назад, сразу дается в руки. Если не считать новой галошницы, здесь ничего не изменилось, и картины прошлого наперебой теснятся в голове. Вешалка, чтобы оставлять на ней рабочую одежду и дневную усталость. Собака, поскуливающая о последней ласке, всегда приоткрытая дверь, потому что в деревне так принято. Я помню. Это и все остальное. Радостных улыбок в этих стенах было так мало.

Прохладно, уже вечер, и ощущается сырость. В окно я вижу, как белый туман стелется вдаль по ржаным полям. Этьен открывает дверцу печи, подбрасывает щепок, и мы молча ждем, глядя на занимающееся пламя. Нам с ним не нужны слова, так было всегда. Так повелось у нас в семье. Да ведь мы никогда и не были близки. Что мы можем сказать друг другу, если у нас нет ничего общего?

Этьену не было и пятнадцати, когда он уже помогал папе и в поле, и в хлеву, а чтобы пополнить свой кошелек, еще и работал один день в неделю у папаши Лакруа, другого фермера. Несмотря на больную ногу, он вкалывал на совесть.

Виделись мы мало. Днем его не было дома, а вечера он проводил за книгами – то на скамье во дворе, то закрывшись в своей комнате, переживал все новые путешествия, не выходя из дома. У него было несколько книжных серий, купленных у какого-то коммивояжера. Книги в обложках из красного дерматина. Рассказы путешественников, Гюго, французская поэзия XIX века. И несколько томов Ларусса.

В погожие дни Этьен занимался кроликами и огородом, потом, оставив лейку и лопату, приходил домой обедать, сидел за столом, уткнувшись в тарелку с супом, редко поднимая непроницаемый взгляд. Порой он перебрасывался парой слов с родителями, но, как правило, о хозяйстве, и я пропускала их мимо ушей. Под хорошее настроение иногда приглашал меня прокатиться на тракторе. Говорил, что нехоро-

шо вечно сидеть в четырех стенах, уставившись в телевизор. Но я не проявляла интереса, отказывалась под надуманными предложениями, и он махнул рукой.

– Если хочешь, могу угостить тебя киром с домашним малиновым сиропом. Я только недавно научился его делать, и получается неплохо.

Он наливает стакан до краев, открывает пакет чипсов и высыпает их в старенькую миску с голубыми цветочками, с детства мне знакомую. Когда он подает мне стакан, я замечаю на его мизинце перстень с печаткой из далекого прошлого. Вообще-то и сам Этьен всегда казался мне выходцем из другой эпохи. Той, когда еще ходили байки про воющих в горах волков и пропавших пастухов, их рассказывали или пели у очага, и их голоса сливались в единый хор.

В сущности, интернет, информационные поля, таблицы эксель для Этьена не более чем какие-то далекие отголоски. Он не повелся на новый мир – как не хотел его, так и не хочет. Потому бухгалтерию на ферме до сих пор вела мама, она же занималась бумагами и деловой перепиской, искала способы выжить. С таким мужем и таким сыном у нее, бедной, не было другого выбора, как самой все это освоить. Этьен всегда был копией папы. Далеким, слишком далеким от будничных дел.

Когда я однажды принесла ему обед в поле, он сидел, приклонившись к колесу своего трактора, и что-то сосредоточенно писал в блокнотике. Заглянув ему за плечо, я прочла

несколько строк – он неуклюже пытался сочинять стихи. Проптичий щебет, утреннюю росу, облака, добрые чувства. Такие стихи, подумала я, мог бы сочинить десятилетний ребенок. Мне стало не по себе, и я засмеялась. Нарочно громко. Как металл лязгнул. Я, с моей самопальной стрижкой – неумелое подражание Фарре Фосетт, – с макияжем а-ля накрашенная корова, в мини-юбке из кожзама, позволила себе найти его смешным и, сама того не зная, разрушила волшебство момента. Злая, глупая девчонка. Я часто это вспоминаю. Отрочество, с его презрением к тому, чего понять еще не дано, бывает жестоко.

Надо сказать, в то время я вообще считала Этьена и родителей отсталыми. Я стыдилась, видя их всегда плохо одетыми, не как другие и не по моде. Не случайно в начальной школе маленькие злючки дразнили нас деревенщиной. Впрочем, и после моего отъезда современные веяния почти не затронули нашу семью и до сих пор вызывают у нее брезгливые гримасы. У нас берегут, латают, донашивают до дыр. Все служит и ничего не пропадает зря. Мы живем, как жили всегда. И точка.

Кажется, Этьен единственный человек, который мне еще пишет. Даже про маму он дал мне знать письмом. Другие бы недолго думая достали смартфон и позвонили, но Этьен есть Этьен, он никуда не спешил, потому сопровождал свое сообщение стихотворением Марселя Эме, запечатал в конверт и дождался почтальона. Я могла бы обидеться, что он не сде-

лал этого сразу, я ничего не знала еще три дня, пока шло письмо. Но что бы это, в сущности, изменило?

Теперь, сидя во главе большого стола, неизменного атрибута нашей фермы, он поднимает стакан, будто чокаясь. У него все те же добрые глаза. Он говорит, что ему странно пить со мной, тем более когда наша мать в коме.

– Счет уже идет на дни, поэтому я позволил себе тебя побеспокоить. Знаю, от Экса досюда конец немалый, да и с транспортом у нас беда, не зря ведь люди уезжают. Но вот такое дело, немного осталось. Папа не хотел тебя срывать, думал, она скоро очнется. Но я-то сразу все понял. И плохо себе представлял, как можно от тебя скрыть или тянуть, пока не станет слишком поздно.

– Ты правильно сделал, Этьен.

Этьен предлагает мне осмотреть ферму, как будто я здесь уже совсем чужая. Идет впереди, слегка прихрамывая. Нога все больше подводит, говорит он.

Первым делом он показывает мне флигель. Постройка так преобразилась, что я с трудом ее узнаю. Этьен отремонтировал ее сам. Работы продолжались почти полгода, он думал, что никогда не закончит. Взгляд цепляется за стебли оранжевого шиповника, взбирающиеся по стене. Мама делала из него красивые букеты. Не знаю почему, но это постоянство греет.

Войдя во флигель, я вдыхаю новый запах. Пахнет не пе-

регноем, как раньше, а чистотой летнего домика. Обветшавшее строение было сначала утеплено стекловолокном, а потом обшито со всех сторон еловыми планками. Ничего не осталось от двух жалких каморок, откуда так и шибало холодом, нет и следа земляного пола примыкавшего к нему старого хлева. Однажды, случайно услышав разговор, не предназначенный для моих ушей, я узнала, что вскоре после войны во флигеле несколько лет жил мальчик, работавший на ферме. Мне стало его жаль. Чего ждать от жизни, если каждая ночь как наказание?

Вдали урчит мотор грузовичка. Надо полагать, он все еще садится за руль. Этьен против, говорит, что не надо бы рисковать, что однажды кто-нибудь окажется у него под колесами. Но папу не переделаешь, он тот еще упрямец. Кроме мамы, никогда никого не слушал.

Папа похудел и как будто усох с прошлого раза. Его причудливая фигура в духе скульптур Джакометти движется ко мне, а я рассматриваю его ноги, тонкие и кривые, похожие на извилистые корни, его кожу в пятнах, оставленных годами пахоты под ветром и солнцем. Папа из тех, кто не бездельничал после войны, из крестьян с мозолистыми руками, старожилов, тех, кому не приходилось выбирать.

Он улыбается мне и, даже не поздоровавшись, крепко обнимает.

– Давненько, – шепчет он мне на ухо.

Глаза начинает щипать. Так неожиданно это проявление любви, это теплое, старое и такое тощее тело, прильнувшее ко мне. Я даю себе волю и крепче сжимаю его.

– Да, папа. Давненько.

Этьен остается на улице, сказав, что у него еще дела, а папа наконец медленно отрывается от меня, и мы идем в дом. Рука об руку с отцом я вдруг становлюсь семилетней девочкой. Нам отмерено мало детства, но я верю, что мы, даже не желая того, всю жизнь в него возвращаемся.

В кухне он, по своему обыкновению, хлопочет. Уже достал газету из ларя для хлеба, развернул ее на клеенке и начал чистить картошку. Я сажусь рядом с ним, и мы болтаем о том о сем. Жаркий свет от печи, вечернее небо за окном, пес, уже похрапывающий в ногах хозяина, – какая же теплота чувствуется во всем этом.

Он готовит картофель дофинуа. Аккуратно разложив дольки на овальном огнеупорном блюде, посыпает их мушкетным орехом и поливает соусом бешамель. Он купил готовый, говорит, что до маминого соуса ему все равно далеко. И смеется.

– Ты помнишь, как она вручную взбивала масло с мукой и молоком? Да уж. Надо было видеть, как ее маленькие ручки, не больше зубочисток, крутились, точно крылья мельницы!

Конечно, я помню. Как можно забыть? Эта кухня была *ее* кухней, ее владениями. Во время войны мама пережила ли-

шения, едва сводила концы с концами, так что всю жизнь считала своим долгом кормить семью досыта. Она могла приготовить вкусно из всего, что попадало ей под руку, хватало трех морковок, двух реп и луковицы, чтобы получился королевский пир.

«Что мы помним о матери?» – спросила меня однажды моя подруга Милена, только что потерявшая свою. Правда, что, в сущности, останется мне от этой женщины, когда ее прах упокоится под землей? Странное дело, как подумаю. Может быть, они как раз прежде всего и останутся – запахи соуса бешамель и гратена.

Отставив стул, папа выдвигает ящик большого стола. С трудом вытаскивает оттуда старую тетрадь и протягивает мне:

– Держи. Она записывала сюда свои кулинарные секреты. – Голос у него странный. – Сохрани ее, больше она никому не пригодится. Я слеп как крот, а Этьен не умеет даже яйцо сварить.

Я благодарю его и прячу это первое наследство в сумку, висящую на вешалке в прихожей. Мне хочется плакать.

Я поворачиваюсь к нему:

– Но... ты же знаешь, папа, она была не для меня, эта тетрадь.

– Не заморачивайся, Колетт. Это все кончено. Теперь она

ТВОЯ.

Сев на кровать, я смотрю на книги, еще загромождающие полки в моей комнате. Многие из них подарил мне Этьен. В детстве я особенно любила сказки братьев Гримм с черно-белыми гравюрами, меня от них бросало в дрожь, и они же приносили утешение. Я любила погружаться в их незапамятные времена, попадать в неведомые королевства, названий которых так и не узнала.

Я слышу тяжелые шаги Этьена на лестнице, открывается и закрывается дверь его комнаты. В общем и целом вечер прошел неплохо. Этьен, при всей своей необщительности, сделал над собой усилие. Под конец ужина он заговорил о каких-то морванских коровах, с которыми не хочет расставаться, даже не из-за молока, просто привязался к ним. И добавил, что, будь его воля, он бы ушел на покой. Беда в том, что он не может никого найти себе на замену.

Это правда, он на самом деле постарел. Я видела, с каким трудом он выпрямляется, и еще этот влажный, неприятный кашель, типичный для стариков, выхаркивающих остатки жизни. Несмотря на почти двадцать лет разницы, Этьен и папа все больше похожи. Грубая, землистого цвета кожа. Усталый взгляд, словно говорящий, что слишком поздно. С пересыпанными сединой волосами и морщинами они выглядят почти как братья. Мне грустно смотреть на них. От их былых восторгов и желаний наверняка остались одни воспо-

минания.

Надо признаться: разговор, хоть и скудный, с Этьеном, приготовление ужина с папой, свежие простыни на моей кровати, малиновый кир, от чистого сердца предложенный мне по приезде, – все это отдается в голове приятным гулом. Я об этом почти забыла, но мне порой бывало тепло в этих стенах, что-то хорошее и доброе окружало в прошлом эту печь и бесконечно длинный стол в кухне. Возможно, я была несправедлива.

Прежде чем направиться в ванную почистить зубы, я спускаюсь взять забытый телефон из сумки в прихожей. Хочу послать сообщение Симону, что у меня все хорошо. В кухне горит свет. Папа еще на ногах, убирает посуду. Ни о чем не спрашивая, я подхожу к нему, снимаю с крючка под раковиной полотенце, беру с сушилки первую тарелку и начинаю вытирать. Древняя столешница из белого пластика пожелтела, но царапин на ней нет. Мама всегда очень бережно обращалась с вещами. Папа роняет суповую ложку, я тут же нагибаюсь и подаю ее ему.

Он вдруг смотрит на меня с убитым видом:

– У нее ни единого шанса выкарабкаться, ты же знаешь, да, Колетт?

И машет рукой, давая понять, что эти слова вырвались невольно, что он хотел бы взять их назад. Его прежде серые глаза сейчас цвета мутной воды.

Марта

5 мая 1961

Марта сидела на скамеечке у старых качелей, прислушиваясь к дыханию деревьев в ночи. Эти качели, две доски на кольцах с пятнами ржавчины, повесили здесь на седьмой день рождения ее и Люсьена. Никто не знал точной даты рождения мальчика, известно было только, что он родился в 1945-м. И Серж с Огюстиной выбрали тот же день, в который родилась Марта. Так удобнее. Поэтому каждый год они праздновали день рождения вместе, как близнецы. Скоро им стукнет по шестнадцать.

Марта еще помнила, как делались эти качели. Серж сначала прибил по дощечке к каждому стволу, потом натянул крепкую нейлоновую веревку, чтобы их повесить. Когда они с Люсьеном были помладше, то могли качаться часами. С качелей был лучше виден еловый лес, сильнее ощущались запахи травы, и, упиваясь кипящей вокруг жизнью, дети не замечали, что жесткая веревка натирает чуть ли не до крови кожу предплечий, а от необструганной дощечки в ягодичы впиваются занозы. Только ветер свистел в ушах, и голова шла кругом. Иногда, позабыв обо всем на свете, они опазды-

вали к обеду, за что их наказывали. Но и это не беда. Кто взлетит выше и раскачается сильнее – вот какое соревнование было тогда важнее всего.

Однажды Люсьен стащил веревку из мастерской Сержа. Он задумал повесить еще одни качели в их месте, у водопада, но после нескольких неудачных попыток привязать веревку к низкой ветке большой ели плюнул со злости, на глаза навернулись слезы. Марта его утешала. Когда она обняла его, трепет нежности пробежал по телу Люсьена, всколыхнув в нем что-то давно забытое.

Тогда впервые Люсьен рассказал ей о своей матери. Ему помнился ее сладкий запах, тихий голос, ее дыхание, щеко-тавшее его щеку в крошечной темноте. Он попытался описать Марте то, что осталось у него от этой женщины, чей образ был утрачен, но эти всплывшие со дна памяти ощущения его доконали, и он, уже не скрываясь, расплакался. Бережно, словно смывая горести друга, Марта поплескала ему на щеки ледяной водой из водопада.

Сидя на скамейке у старых качелей, она вспоминала то охватившее ее странное чувство единения с Люсьеном. Оно казалось таким далеким.

Теперь они меньше бывали вместе, девочка предпочитала проводить время, слушая пластинку Далиды или шушукаясь с подружками из деревни. Как и они, Марта остригла челку. Как и они, Марта хихикала с закрытым ртом, пряча неров-

ные зубы. Как и они, Марта задирала нос, и это до того злило Люсьена, что к горлу у него подступала кислятина.

Марта уже была девушкой и мечтала о своем. О том же, о чем мечтает каждая в ее возрасте, о том же, о чем мечтали все ее подруги. Кокетничать с местными парнями, теми, что постарше, и чтобы в их глазах отражалось, какая она красивая. Ходить на танцы. Танцевать до ломоты в ногах, чтобы дух захватывало, и делить это упоение с другими, с такими же парнями и девушками, как она. Особенно с Луи Миньо. Девятнадцатилетний студент юридического в Дижоне, сын Фернана Миньо, лавочника и мэра деревни, давно уже подкатывал к ней.

Благодаря ему девушку взяли работать полдня на кассе у Фернана. После смерти жены лавочник нанял продавщицу, но все равно не справлялся. В его магазине всегда толпились покупатели. По правде сказать, других лавок в округе и не было. Но для Марты такая работа была лишь временной, девушка решила бросить школу еще в прошлом году, дальше учиться не стала, но ей хотелось чего-то большего. В Париж, почему бы нет? Стать певицей. Между прочим, все подружки с площади звали ее звездой и клялись, что с ее острыми грудками и ротиком как спелая ягода вид у нее – хоть сейчас на сцену. Шестнадцать Марте должно было исполниться только в конце августа, но она уже выглядела на все девятнадцать, если не двадцать.

И в церковном хоре говорили, что у нее красивый высо-

кий голос. Она верила похвалам, закрывалась в своей комнате на первом этаже и упражнялась, подражая Жюльетт Греко и Далиде, или вертелась перед зеркалом, застывая в вычурных позах. Не могло быть и речи о том, чтобы остаться работать за кассой, торчать в окошке почты или, хуже того, всю жизнь просидеть своей хорошенькой попкой на металлическом сиденье семейного трактора.

Девушка старательно подрабатывала, чтобы осуществить свою мечту. Скоро, скоро она будет гулять по парижским большим бульварам, проходить прослушивания, участвовать в конкурсе талантов на радио и даже познакомится с Эдди Барклаем³. Все изменится, иначе быть не может. В свои юные годы она далеко глядела. Ее уж наверняка ожидало такое же блестящее будущее, как у певиц с ее пластинок.

С первой же зарплаты она купила себе туфли на высоких каблуках. Донельзя укоротила юбки, начала подводить глаза и выщипывать брови. Каждый день накручивала на голове французский валик, как у звезд в журналах, которые покупала у Брюмеля, торговца, приехавшего к ним в деревню по субботам.

Когда она после работы выходила из магазина, кумушки и старики, видя ее на улицах, судачили, мол, она ведет себя как непотребная девка, выставляя напоказ попку и груди, уже достаточно оформившиеся, чтобы мужчин бросало

³ Эдди Барклай (наст. имя Эдуар Руо, 1921–2005) – французский пианист, композитор и музыкальный продюсер, очень известный в 1950–60-е годы.

в краску. Самые злобные даже плевали ей вслед. Но жизнь Марты ни от кого не зависела, и ей было все равно. Она только смеялась, легко отменяя и похотливые, и презрительные взгляды.

Не в пример Люсьену, девушке больше совсем не хотелось предаваться их былым детским забавам, и вот уже почти месяц она отказывалась ходить с ним к водопаду, почти месяц презрительно фыркала и смотрела на него свысока – просто ничего не могла с собой поделать. Люсьен казался ей теперь таким далеким от ее собственных забот, сущим ребенком. А он глотал слезы. По капле сглатывал горе. Люсьен обижался на нее. Обижался за всю их общую историю, которую Марта начала забывать. За молчание между ними, которое на самом деле молчанием не было, ведь когда-то они понимали друг друга без слов, по одному взмаху ресниц.

И дело было не только в этом. Марта хорошо изучила Люсьена и точно знала, чем уязвить его или даже причинить боль. И тут уж она тешилась вволю. Его юношеский голос, который начал ломаться. Шерсть на теле, непомерно выросшие ступни. Это было легко. И, главное, она презирала будущее, ожидавшее Люсьена. Продавец сельскохозяйственной техники или скототорговец – вряд ли, даже получив аттестат, Люсьен будет годен на что-то лучшее. И наверняка останется в этих краях.

Теперь, когда им случалось вместе кормить коров, казалось, что и мычание Анемоны и Маргаритки, и тарактенье

маленького трактора, и далекие жалобы Огюстины растворялись в воздухе, как будто сама жизнь отступала от них. Во что бы то ни стало, из какого-то детского упрямства, они заставляли себя крепко сжимать губы и смотреть в одну точку. Не поддаваться, быть сильнее, высоко держать голову. Все перечеркнуть, чтобы и памяти не осталось о былой дружбе. Замкнуться в молчании – столь же мучительном, сколь и смешном.

10 июня 1961

Фернан сегодня оставил на нее магазин. Лавочнику надо было наведаться к поставщикам, и ей пришлось одной получить деньги и отпускать товар. Она с удовольствием поболтала с утренними покупателями, но после полудня наступило затишье. Только редкий шум мотора, когда машина проезжала по главной улице.

От нечего делать она смотрелась в большое зеркало рядом с кассой. Разглядывала свой упругий и плоский живот. Буйную темную шевелюру такого же оттенка, как у Сержа. Блестящие глаза, то ли зеленые, то ли ореховые. Она так мало походила на мать, темноглазую и белокурую. Блонд *Мэрилин*, смеясь, сказала ей однажды Огюстина. Общими у них были разве что так и оставшиеся на крыльях носа девчачьи веснушки. Луи сказал, что это очень мило. Они так тебе идут, прошептал он ей на ушко и впервые поцеловал.

Это было пять дней назад. Под козырьком у входа в клуб, где обедали охотники и играли в бридж старожилы. Он поцеловал ее там, в полумраке, без церемоний. Его руки обхватили ее шею. Его язык раздвинул ей зубы, его дыхание пахло пастилками «Виши». Он ее поцеловал – вот так запросто, напоказ, при людях, еще прогуливавшихся по площади. Она этого не ожидала. Руки у нее бессильно повисли, щеки свело, она стояла столбом, никак не ответив.

Вечером, лежа в постели, она долго вспоминала поцелуй и в конце концов решила, что это было мужественно. Даже волнующе. И потом, ее приятно грела мысль, что люди видели, как ее целует красавчик Луи Миньо, видный парень с большим будущим. Лестно, что тут скажешь. Он выбрал ее не просто так, подумают они, эта девушка не абы кто. В тот вечер маленькая оборванка с мызы Дьявола перестала существовать. Да здравствует новая Марта, предмет восхищения и уважения.

Вскоре после этого, подвозя ее домой на машине, Луи заглушил мотор за сотню метров от фермы и повернулся к ней лицом. Заправив ей за ухо прядь волос, он посмотрел на нее с какой-то странной настойчивостью. Девушка почувствовала, как порозовела и, возможно, даже некрасиво заблестела ее кожа – наверное, из-за просроченной рисовой пудры, которой пудрилась мать, когда шла в церковь. Она чуть не расплакалась от стыда. Но в салоне было темно, и дома Марта убедила себя, что Луи ничего не заметил. Открывая дверцу,

он обещал еще заглянуть. Луи сдал экзамены в университете и приехал домой на каникулы.

Потом они дважды встречались в магазине в отсутствие Фернана. Оба раза Луи уводил ее в подсобку. Там, подальше от любопытных глаз, в тесноте между консервами и мешками с картошкой, он опять целовал ее и шептал на ушко, что он от нее без ума.

С того первого поцелуя Марта осваивала новую территорию. Она больше не хотела быть жительницей своей убогой дыры в чаще буков, елей и каштанов. Теперь она была наконец здешней, деревенской, и очень важничала. С Луи они, однако, говорили мало – вернее, говорил всегда он, а она слушала. Особенно ему нравилось рассказывать ей про кино. Он часто ходил в кинотеатр после лекций и расхваливал недавно виденный фильм «На ярком солнце» с Мари Лафоре.

– Ты на нее похожа. У тебя такие же глаза, – сказал он ей.

Марта не знала ни актрисы, ни фильма, но слышала, что в нем играет Ален Делон. И этого ей хватило. Эта женщина наверняка очень красивая, раз снимается вместе с прославленным актером. Она была польщена.

Рядом с Луи Марта чувствовала себя маленькой. Он столько всего знал и умел. Был таким современным, таким уверенным в себе. И она прятала растрескавшиеся от работы на ферме руки, боялась лишний раз открыть рот, очень старалась выглядеть приличной девушкой. Натужно смеялась,

нарочито жестикулировала и была полностью поработана прямым и решительным взглядом, побеждена сильным телом студента, словно явившегося из другого мира.

30 июня 1961

Окна «ситроена» были открыты, его улыбка подсвечена солнцем, из радиоприемника звучала популярная мелодия. Луи заглушил мотор, машина остановилась на поляне за широкой купой деревьев. Он расстелил скатерть, достал бутылку вина, два стакана и колбасу. Впервые он предложил Марте прогуляться с ним. Вот так, далеко от деревни.

Полулежа на траве рядом с ним, с задравшейся выше колен юбкой, девушка испытывала что-то новое, отчего было горячо в животе. Ее кавалер был так предупредителен, вот повезло же ей. С ним все становилось ярким, неожиданным, волнующим, полным обещаний и надежд, ей было чем гордиться. Луи быстро ездил, громко смеялся, имел в городе кучу друзей из лучшего общества, а сколько разных мест он знал. С Луи Марта всегда чувствовала, что живет полной жизнью. Она уже мечтала, как он, закончив учебу, приедет к ней в Париж, они будут богаты и купят себе большую квартиру под самыми крышами.

Выпив вина, оба с аппетитом принялись за жирную колбасу. У Марты залоснились губы, а Луи уже шептал ей на ушко, какая она красивая, и расстегивал блузку, чтобы по-

гладить грудь. Его пальцы нажимали все сильнее, потихоньку толкая ее в траву, и вот уже он навалился на нее всем телом, дыша прямо в рот винными парами, упираясь чем-то твердым в низ живота. Марте вдруг стало нехорошо. Она вырвалась. Не сейчас, пожалуйста.

Он взмолился.

Потом махнул рукой.

Когда они вернулись к машине, Луи угрюмо молчал. Хмурясь, тронул машину с места, взревел мотор. Марта положила руку ему на колено и с каждым километром, приближавшим их к деревне, чувствовала, как он успокаивается.

Мы это сделаем, когда ты будешь готова, сказал он ей.

22 июля 1961

Рука Луи обнимала ее за талию. Марта только что вышла из-за кассы. Был полдень, и она едва дотерпела до конца работы. При мысли, что они с Луи будут вместе до вечера, она удовлетворенно вздохнула. Они планировали посидеть в кафе. Луи собирался встретиться там с другом-студентом, тоже приехавшим из Дижона на каникулы. Они будут пить пиво, курить «Голуаз» и строить грандиозные планы на будущее. Скорее бы, думала девушка.

Парочка шагнула на улицу, и Марта увидела прямо напротив лавки Люсьена, сидевшего на ограде из розового гранита. Едва сдерживая нетерпение, пытаюсь сохранять невозму-

тимость, он старательно делал вид, будто наблюдает за колонной муравьев, огибающей осколок бутылки.

Люсьен только сегодня утром узнал, что получил диплом о профпригодности, и хотел ей первой сообщить хорошую новость. Марта будет так гордиться им, его упорством. И уж конечно, прижмет его к груди, задушит в объятиях, как прежде. До деревенских сплетниц. До Луи. До этой отчужденности, которая вот уже долгие месяцы точила его смертельной обидой.

Чтобы собраться с духом, он сунул руку в карман и сжал в кулаке монеты и бумажки, несколько десятков новых франков, отложенных с его заработка подмастерья. Счастливый обладатель новенького диплома, он собирался пригласить Марту поехать с ним автобусом в Невер на весь день. Кино, кафе, магазины – у Люсьена были большие планы.

Юноша даже хотел сделать Марте подарок. Платье. Зеленое, юбка в складку, с оранжевыми и красными вставками, как у Брижит Бардо. Он видел такое в одном из женских журналов, которыми зачитывалась Марта. Они наверняка найдут похожее в «Дам де Франс», универмаге, который порекомендовала ему жена его мастера. Там якобы продавались самые модные вещи. Зеленое платье в знак примирения. На самом деле Люсьен хотел одного – помириться с Мартой. Снова стать дорогим ей человеком, названным братом, которым он так долго был.

– Мне надо тебе кое-что сказать, Марта! – крикнул он ей

с тротуара напротив, улыбаясь во весь рот. — Я получил диплом. Первым в классе! Отпразднуем это, а?

Марта сначала сделала вид, будто не слышит. Не хватало еще, чтобы из-за присутствия Люсьена Луи стал плохо думать о ней.

Но Люсьен не отставал, он уже пересек улицу.

Еще метров двадцать девушка шла как ни в чем не бывало. Вперед, не оглядываясь. И глазом не моргнув. Видя, что это не обескуражило Люсьена, она поневоле отвернулась от Луи и соблаговолила остановиться. Подошла к Люсьену и прошипела ему прямо в ухо с презрением в голосе:

— Отстань от меня, Люлю. Сейчас не время, ты же видишь, что я *не одна*.

— А ну вали отсюда, сопляк, — вмешался Луи, даже толком не обернувшись.

— Совсем сдурел? Или ты это нарочно? Потом поговорим, я тебе сказала. А сейчас мне надо идти.

Не успев закончить фразу, Марта увидела, как застыло лицо Люсьена. Сжав губы, он изо всех сил сдерживал слезы.

Слова Марты.

Каждое слово как граната.

И еще жесты сразу после этого: как она вздернула подбородок, как закатила к небу глаза.

Уже в который раз она обошлась с ним некрасиво и сама это знала. И это ударило в голову, как хмель. Эта грубая, гадкая правда, которая, захлестнув ее с головой, диктовала

ей слова и жесты. Себе-то она могла признаться, что дело только в этом: ей было стыдно перед Луи, стыдно за все то, что воплощал собою Люсьен.

Мальчик ничего не ответил. Слова Марты лишили его дара речи и их прекрасного прошлого. Кожа и кости – вот и все, что от него осталось.

В который раз Люсьен оказался лишним. В который раз он все потерял. В сущности, ничего нового: всю жизнь с самого рождения он был брошенным и обиженным.

Опустив голову, он прошел несколько метров в обратную сторону, завернул за угол и скрылся.

Глаза еще шурились от предвечернего света, когда она крутила педали на подъеме по дороге в деревню. Серж говорил, что эти несколько километров крутизны развивают стальные мускулы икр. Марта предпочитала дорогу под елями, она была длиннее, но склон более пологий. Вот только та тропка вилась сквозь густой лес, и на велосипеде проехать было трудно.

Приближаясь к деревне, девушка вслушивалась в последние стрекотания кузнечиков, запрокинув голову, смотрела на птиц, которые парили в небе грациозно и неспешно. Она улыбнулась, когда яркий щегол покружил над ней, словно провожая. Зелень листвы и рыжина плодов еще удерживали в ветвях деревьев немного солнца. В этот день вся природа вокруг была прекрасна как никогда.

Марта не видела Люсьена после их ссоры, но думать об этом ей не хотелось. Не сейчас. Она обожала танцевать до упаду на деревенской площади, когда светили разноцветные фонарики и играл оркестр, а сегодня вечером праздник ожидался грандиозный. Луи уже ждал ее там. Значит, нужно прежде всего ему понравиться, быть красивой. Красивее всех.

Добравшись до места, она оставила велосипед у школьной стены. Под новеньким шатром устроили буфет. В прошлом году праздник подпортила гроза, не дай бог и в этом придется все сворачивать из-за непогоды.

Народу уже было много. Марта пробиралась сквозь толпу детей – те тянулись к сахарной вате, а матери выбивались из сил, оттаскивая их. Протиснуться было почти невозможно, ярмарка всегда имела большой успех. Старики пришли со складными стульями, тоже хотели людей посмотреть и себя показать. На Марту вдруг налетел карапуз, прижимавший к груди плюшевую игрушку со стеклянными глазами, наверняка выигранную в тире. В ту же секунду она увидела Луи. Юноша разливал в кружки пиво. Ее возлюбленный, как и полагалось каждый год сыну мэра, занимался буфетом.

– Как ты долго! Шину, что ли, проколола?

– Нет, мама задержала. Надо было помочь ей со стиркой. А потом пришлось еще гладить это платье, оно ведь тебе нравится.

Потянув за подол платья, она присела в реверансе и засмеялась.

– Ох... Как я люблю твою улыбку, когда ты так говоришь. Знаешь, днем, когда мы с отцом выносили столы, он сказал мне, что ты ему очень нравишься.

– Да?

– Он даже добавил, что ты совсем не похожа на Лежандров. И правда. Посмотреть на тебя – ничего общего с этой деревенщиной с мызы Дьявола!

– Не надо, Луи. Мои родители не богачи, но это не значит, что можно поливать их грязью.

В свое оправдание Луи поцеловал Марту в накрашенные красной помадой губы.

Юный студент обладал множеством талантов, но он не умел разбираться в людях, этого дара у него не было. Он мог обидеть, сам того не желая, просто по невниманию, при этом не заметив, как дрогнул уголок рта Марты, как она отвела взгляд. И сейчас он обидел ее.

Девушка ненавидела свою среду, фермерский труд, Огюстинины блузы в пятнах, запахи земли, жира и пыли, но – что поделаешь, она родилась на бедной ферме, она тоже Лежандр, и этого не изменить. О ее происхождении говорит любой ее жест, каждое слово, даже вздох. Этот мир вьелся в ее кожу, и насмехаться над ним значило презирать и ее тоже.

Марта оставила Луи в буфете и отыскиала двух своих подруг с челками. Они начали с лотереи, на колесе удачи Марте

досталась смешная игрушка, которую она поспешила подарить маленькой девочке, оставшейся без выигрыша. Потом три девушки купили по карамельному яблоку и съели, перемазав пальцы липкой глазурью. Как хорошо было все делать вместе. Стоять на пороге взрослой жизни. Смеяться и трепетать, чувствуя себя такими живыми и такими красивыми. Марта любила эти редкие волнующие моменты. Далеко, так далеко от своей семьи.

Ночь наконец опустилась на площадь, и оркестр сыграл первые ноты. Луи и Марта, оба отменные танцоры, долго не уходили с площадки, переплетая пальцы и соревнуясь в изящных па. Любо-дорого было смотреть на их кружение, так их тела подходили друг другу. После медленного танца музыканты заиграли песню Чака Берри, которую Марта обожала, *Johnny B. Goode*, и эта мелодия сразу кое-что ей напомнила.

Это было прошлой осенью, ноябрьским вечером. Поджидая родителей с поля, Марта включила старенький ламповый радиоприемник и настроила частоту на «Европу 1». Шла передача «Привет, друзья». Марта слушала ее, когда могла, в своей комнате на транзисторе, купленном для нее родителями у Брюмеля.

Голоса ее кумиров наполнили кухню, и она уже начала готовить ужин, когда вернулся Люсьен, немного опередив Сержа. Дверь была открыта, и краем глаза она смотрела, как он

у порога счищает грязь с башмаков. И хотя он был в старых залатанных штанах и простой белой футболке, Марте вдруг привиделось в нем какое-то изящество, диковатая грация.

Люсьен поднял голову, и она тут же отвернулась. Снова захлопотав над кастрюлями, сделала вид, будто не заметила, как он подошел. Остановившись за ее спиной и ни слова не говоря, он развязал тесемки ее передника, осторожно снял его. Потом вынул шпильки, удерживающие узел волос, и, когда она уже повернулась к нему, чтобы оттолкнуть, протянул ей руку, эту самую руку, в царапинах и с почти розовыми ногтями, которую она знала как свою собственную. И вдруг, неожиданно для нее, увлек ее за собой как будто в тур вальса. Она сначала хмурилась, но, видя, как он кружит и заразительно смеется под песню Чака Берри, не могла не последовать его примеру.

Они кружились и бегали друг за другом вприпрыжку, как дети. Длинные темные пряди падали ей на лицо, пышная юбка то и дело открывала колени в быстром ритме ее подскоков. Марта вся отдалась музыке. Люсьен не умел танцевать рок-н-ролл, он так и не освоил эту науку, но он был так завораживающе красив, что Марта этого даже не замечала.

Лицо принца, поэзия в каждом движении. Музыка отзывалась в его глазах, и они блестели еще ярче. Тем вечером Люсьен, подобно шелестящему в ветвях ветру, воплощал трепет красоты. Его неловкие движения под звуки гитары, казалось, увели его в иной мир, где легче было жить.

На несколько минут они укрыли мальчика от его истории, рассеяли ее тени.

Теперь, когда все ее тело скользило в объятиях Луи, Марта невольно думала об этом. Никогда она не танцевала здесь с Люсьеном. Просто не осмеливалась. Появиться на людях с питомцем опеки – как на это посмотрят, что подумают? Она вспомнила слова, сказанные в полдень у магазина. Что с ней случилось? Марта не узнавала себя, на сей раз она, кажется, перегнула палку.

За несколько недель до этого она будто случайно подсмотрела, как Серж утешал Люсьена в сарае. В тот день она в очередной раз предпочла Луи и своих подруг с площади, опять наговорила ему резкостей.

– Ничего, мой мальчик, – журчал голос Сержа, – с кем не бывает, у нее это пройдет. Подумаешь, дело какое. Вернется она к тебе, твоя Марта, никуда не денется. Это просто молодость играет.

Он с нежностью взъерошил волосы мальчика, а когда, выходя, заметил подслушивающую за дверью дочь, рассмеялся. Презрительно сощурившись, Марта только вздохнула и ушла.

Какой же она может быть стервой.

К горлу подступила тошнота. В ту же минуту Луи коснулся пальцами ее щеки, и она уткнулась лицом в его плечо.

30 июля 1961

В этот вечер Марта возвращалась домой поздно. Родители, наверное, уже легли, думала она, и завтра мать опять будет ругаться. Огюстине ее встречи с Луи были как нож острый. Гнилой он парень, и семейка у него никудышная, твердила она. Да ей-то откуда знать? У Марты давно стояли поперек горла материнские предостережения. «Знай свое место». «Остерегайся». «Главное, не наделай глупостей». Разуваясь перед входной дверью, девушка фыркнула от злости.

Войдя в кухню, она, к своему немалому удивлению, застала там Сержа, тот сидел, откинувшись на спинку стула, курил и молчал. Девушка подошла к нему, наклонилась поцеловать и поняла, что щеки у отца мокрые. Серж плакал. Это было что-то новенькое.

– Он ушел.

– Как это, кто ушел?

– Люсьен. Он ушел. Боже мой, Марта. Он не вернется. Все кончено.

– Что ты такое говоришь? Ты что-то напутал, папа.

– Он забрал все свои вещи, даже отдал мне свою бирку. Он вырос, может сам выбирать. Мне ни словом не обмолвился. На прошлой неделе пошел на ярмарку, парень он с головой, его сразу и нанял один скототорговец. Он уже сообщил в агентство и Драмону.

– А я? Папа? Почему он мне ничего не сказал? Почему ушел, не попрощавшись со мной?

– Я просил его подождать тебя, но он отказался. Вроде как тебе все равно.

– Но почему так скоро?

– Торговец сегодня уезжает домой. Как я понял, он и жить будет у него, даже не захотел мне сказать где. Он выглядел сердитым. Собрался в два счета. Сказал, что справится сам, мол, спасибо за все. Понимаешь, Марта? Он сказал мне спасибо. Боже мой...

Марте казалось, что жгучая кислота разъедает ее тело. Каждую косточку, каждую клеточку.

– Этот мальчишка мне как сын родной, и он просто сказал мне спасибо. Как будто поблагодарил за услугу, как будто не был нам больше чем просто воспитанник или работник. Я оплошал, как же я оплошал. Что уж себе-то лгать, после того несчастья мне надо было больше его беречь. Бедняжка, он был так мал. Но у твоего отца не хватило духу для этого. Слаб оказался. Правду сказать, твоя мама так убивалась...

– Да о чем ты? Какое несчастье?

– Ничего, неважно. Забудь, что я сказал. Я просто разволновался, вот и все.

Марта умоляла отца рассказать ей о несчастье, но Серж молчал, и она поняла, что ничего больше не добьется. Мать же наверняка только огрызнется, как каждый раз, когда она пыталась выведать побольше о Люсьене, о чем-то таком, что

от нее скрывали, о том, что разрушило их дружбу. И она просто положила дрожащую руку на плечо отца.

Однажды вечером, вскапывая огород, Марта увидела светлячков. Много лет назад, когда им было лет по шесть-семь, они с Люсьеном впервые заметили блестящие точки в траве в нескольких шагах от себя. Марта знала о существовании этих светящихся насекомых, но ей хотелось поважничать, и она заявила, что это золотые звезды упали с неба.

– Правда-правда, честное слово, Люлю. Они падают прямо оттуда, сверху, мне сам учитель сказал.

Люсьен попытался поймать их руками, но светлячки быстро разбежались.

Позже, когда Серж и Марта зашли во флигель пожелать ему доброй ночи, мальчик стоял на кровати, тараща глаза, и выглядел очень возбужденным.

– Вы понимаете? Нет, вы понимаете? Мы же чуть не потрогали звезды!

Он говорил так, будто это был лучший день в его жизни. И Марте нравилось думать, что это она сделала ему такой подарок.

В этот вечер, через столько лет после случая со светлячками, изо всех сил налегая на лопату, чтобы как-то отвлечься, девушка все равно не могла перестать думать об этом. Обо всем ушедшем времени, которое больше не вернется. О своем некрасивом поступке.

Колетт

День 2

6 августа 2004

Мама постарела, а вот подобрела вряд ли. У нее все то же землистое лицо, треугольный подбородок и глубокие морщины на лбу и между бровями, придающие ей суровый вид. Прикрытый голубой простыней живот, с годами раздавшийся и ставший слишком тяжелым для ее варикозных ног, куда-то делся, и кажется, что от нее осталось только сморщенное грустное лицо.

Я не знаю, что заставило меня прийти в эту палату, пропахшую жавелевой водой и последними вздохами. Возможно, что-то вроде чувства долга. С тех пор как я уехала с фермы, мы с мамой почти не разговаривали. Изредка телефонные звонки, открытки во время моих каникул и из мест, где я жила. Если я и приезжала, то всего на пару дней, на Рождество или Пасху. Так мало. Думаю, со временем я почти создала себе мир без матери, и сегодня в памяти всплывают лишь короткие обрывки жизни вместе. Или, лучше сказать, жизни, прожитой рядом.

Два года назад, когда я вернулась из Афин, она все же на-

вестила меня. Вместе с папой они сначала сели в автобус, потом ехали поездом до Экса. Для них, никогда никуда не выбиравшихся, целое путешествие. Я была рада их видеть, но быстро разочаровалась. Мать держалась скованно, не знала, куда деваться в квартире, без конца теребила вышитый носовой платок. Хотела уехать. В очередной раз образ матери ускользал от меня, словно песок между пальцами. Кто она? Кто на самом деле моя мать?

Мне так хотелось, чтобы она поговорила со мной. Хотя бы раз. Поделилась опытом, сделала меня другой, похожей на нее. Я бы все выслушала. Все. О ее долгой жизни. О ее перепутьях, о том, что ее поколение пыталось выстроить и вырастить. Об ударах судьбы и силе, помогавшей ей подняться. Столько слов я хотела бы услышать из ее уст, столько жестов ее рук увидеть. Вместо этого она оставила мне в наследство стыдливость Старого Света, а сегодня, лежа под простыней, уже вряд ли думает обо мне.

И все же однажды вечером, незадолго до того как я переехала с фермы в студенческую комнатуху в Дижоне, она предложила мне посидеть с ней на скамейке в саду, у качелей. Сказала, что хочет немного побыть со мной, поговорить по душам, что я выросла и скоро будет слишком поздно.

Сначала мы говорили о пустяках, потом мало-помалу перешли к моим планам на будущее. Это было просто и ново. Отрадно. Черная туча – стая скворцов – пронеслась над кры-

шей фермы, и мы одновременно задрали головы. Через минуту я опустила взгляд и увидела ее лицо. Что-то блеснуло в ее глазах, чуть дрогнули впалые щеки.

— Это напоминает мне наши игры с сестрой. Мы с Лисичкой, — продолжала она совсем тихо, — бежали по дороге, пытаясь догнать воробьев, и представляли, как добежим за ними до Африки. Видела бы ты нас! Две маленькие дурочки. Как же мы смеялись... Нам хотелось летать, как они, свободно.

Мама произнесла это с большим волнением, так говорил бы призрак, чье сердце забилося вновь.

— Я знаю, что не сумела стать хорошей матерью, моя Колетт. Когда это случилось, я так и не свыклась с тобой. — Она взяла меня за руку. — Мне очень жаль тебя. Да, жаль.

Когда она сказала это, губы ее искривились. Я не решилась ни о чем спросить. Мне вдруг стало страшно, что вопросы разобьют ей сердце.

Вот уже час я на нее смотрю. Вот уже час испытываю странное чувство, то самое, от которого бежала столько лет, от которого так стремилась освободиться. Я уехала подальше, потому что не хотела больше опускать глаза и слышать, как голоса умолкают, стоит мне появиться.

Бедная девочка.

Такая трагедия.

Мне были невыносимы их неловкость и слухи о нашей се-

мье, передававшиеся из уст в уста. И я не могла больше видеть усталых глаз родителей, их отчаяния, которое они скрывали, надрываясь на работе до кровавого пота. И ради чего? Ради минутки отдыха перед тем, как уложить свои измученные тела под одеяла? Пока память о тебе не лишит их сна и не заставит снова и снова оплакивать тебя втихомолку?

Вот только, если уж совсем честно, думаю, у меня во рту, в носу, в желудке, даже в уголках глаз и складках кожи – везде осталась моя жизнь на ферме. Эта жизнь, прожитая здесь с тобой. А потом без тебя.

Положа руку на сердце, я могу теперь сказать тебе: с той минуты, когда я ступила на перрон этого вокзала, я повсюду вижу тебя. В каждом уголке этой фермы, еще сохранившей твой запах. В папиных глазах, в глазах Этьена, во всех их слишком медленных жестах и даже в чертах матери, которой на самом деле больше нет. Правда в том, что я здешняя и навсегда останусь девочкой с мызы Дьявола и твоей младшей сестрой. Сестренкой Марты Лежандр, *бедной* Марты Лежандр.

Знаю, я появилась не ко времени. Мама родила меня, когда ей исполнилось тридцать семь лет, и если сегодня это совсем не поздно для беременности, то тогда, да еще в этом медвежьем углу, моих родителей считали стариками. Женщины в тридцать семь нередко уже становились бабушками. Так что малышкой меня быстро отдали на попечение стар-

ших брата и сестры, потому что у родителей есть другие дела, потому что никому неохота опять возиться с пеленками, потому что силы уже не те для таких вещей, да и возраст. У папы хватало работы в поле и со скотиной, у мамы по хозяйству. Надо было кормить птицу, резать ее и ощипывать, готовить на всех, каждый день стирать и развешивать рабочую одежду, ухаживать за огородом, а за любой покупкой проделывать долгий путь на велосипеде до деревни.

И потом, Этьен и ты были уже почти взрослые, хоть и юные, слишком большой между нами получился разрыв. Я так и не поняла почему, но Этьену, казалось, было не до любви. Он вечно сидел у своего трактора, уткнувшись в книгу или словарь. Родителей это тревожило. Особенно маму. Она говорила, что в словарях ему невесты не найти.

Еще помнится, что когда ему случалось заговорить за столом, что бывало вообще-то редко, он употреблял красивые слова или такие, которых никто не знал. И мама просила его перестать говорить по-книжному. Но я понимала, что Этьену нужны были трудные слова из книг, что они помогали ему дышать. Присваивать чужие жизни и странствия – только так он мог уйти. Хотя телом всегда был здесь. На ферме. Связанный по рукам и ногам.

На самом деле только ты, когда не закрывалась в своей комнате на первом этаже, одна, и находила немного времени для меня. Я до сих пор ощущаю запах твоих юбок, под которыми я пряталась совсем маленькой, чувствую их ткань

на ощупь. Лен, хлопок, шерсть. А когда я не путалась у тебя под ногами, ты носила меня, прижав к бедру, а я пыталась забраться тебе на спину. Это я тоже помню.

Я подхожу ближе. Даже сейчас, когда мама лежит на больничной койке, ее рот сурово сжат. Я смотрю на серую кожу, которая скоро станет ледяной, и, взяв ее руку в свою, в который раз вслушиваюсь в ее молчание.

Марта

Прошли недели после ухода Люсьена, и Марта вернулась к успокаивающему течению привычной жизни. Вставать чуть свет, помогать Огюстине в домашних делах, кормить с Сержем скотину в хлеву под роем мух, заниматься огородом. Этот летний месяц август был уныл, как зима. На сей раз густая синева неба словно насмехалась, ферма стала клеткой, пот смешивался со слезами.

Девушке ничего и никого не хотелось, она чувствовала себя пустой. Работу в лавке она бросила в одночасье, даже не пришла за июльской зарплатой. Брат сказал ей однажды вечером, что она стала похожа на засохшее дерево, а когда подруги ее куда-нибудь приглашали, она каждый раз придумывала отговорки, чтобы не ходить. Даже пластинки Далиды лежали нетронутыми в конвертах. Их общий день рождения она провела у водопада. Сидела неподвижно, уставившись в пустоту. Пестовала свое горе.

В первые выходные сентября, когда Луи приехал на каникулы, она сказала больно. Ее кавалеру предстояло вскоре вернуться на университетскую скамью, и ей бы побыть с ним до отъезда, броситься в его объятия, но что поделаешь — душа не лежала.

Через несколько дней она получила письмо. Луи выражал надежду на ее скорое выздоровление и обещал пригласить

ее провести с ним день в Дижоне. Прочти девушка эти слова еще месяц назад – у нее задрожали бы коленки, сердце забилося бы от желания и она заплакала бы от счастья. Но теперь она осталась равнодушна и ответила банальной и ничего не значащей отговоркой.

Она не хотела видеть Луи. Не сейчас. На самом деле она боялась собственного взгляда, не зная, как посмотрит ему в глаза. А еще труднее было бы справиться с голосом. Как сделать, чтобы сказанное не прозвучало холодно или неслышно и не выдало бы ее с головой?

В этот день открылся рынок домашнего скота.

Мужчины надели великоватые костюмы, зачастую помятые, низко натянули на голову береты, и Серж не составлял исключения. Была на площади и группка принаряженных женщин, которые чесали языками, обменивались последними сплетнями. Поодаль Марта в коротком красном платье курила сигарету, под шумок стыренную у Сержа. Иные в толпе посматривали на девушку косо, но ей было плевать.

В этот сентябрьский день 1961 года небо сияло пронзительной синевой. Было очень жарко, солнечные лучи обжигали кожу и сушили губы. Люди охлаждались мутной водой из фонтана. Пот струйками стекал под платьем, подмышки взмокли, и Марта упивалась этим кисловатым запахом. Она сама недоумевала, откуда у нее такой странный вкус, и знала, что, не в пример ей, большинство ее подруг маскировали

свои испарения духами. Даже Серж и ее брат окропляли одеколоном «Мон-Сен-Мишель» свои колючие щеки. Но Марте не нравились его ноты амбры и бергамота. Это было сильнее ее, девушка предпочитала им запахи пота. Шибяющие в нос. Животные. Она любила запах матери, когда та возвращалась вечером с поля. И запах Люсьена тоже любила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.